

КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ПОГРАНИЧЬЯ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

.....

Е. В. Хлыщева¹

По мнению автора, Пограничье как зона пересечения культур характеризуется высокой проницаемостью культурных границ. С одной стороны это приводит к синтезу культурных традиций и появлению новых форм культурных и социальных контактов, характерных для транскультурных сообществ. С другой стороны, именно в зоне пограничья острее всего чувствуется пересечение интересов, миграций, этнокультур, религий, что может стать причиной серьезных конфликтов. Все это актуализирует поиск сценариев сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов.

Ключевые слова: Пограничье, ментальность, поликультурность, миграция, субэтнические группы.

According to the author, Frontier as a zone of intersection of cultures characterized by high permeability of cultural boundaries. On the one side, this leads to the synthesis of culture traditions and the emergence of new forms of cultural and social contacts, which is typical for transcultural communities. On the other side, in the frontier we can acutely feel the intersection of interests, migration, ethnic cultures, religions, which can cause serious conflicts. All these reasons force the searching of scenarios of coexistence in a single cultural field of different traditions and mentalities.

Key words: frontier, mentality, multiculturalism, migration, sub-ethnic groups.

В условиях устойчивой динамики миграционного процесса усиление исследовательского интереса к феномену культурного пограничья актуально и неизбежно. Появление новых транскультурных образований актуализирует поиск сценариев сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов. Проблемы коммуникации в поликультурном обществе острее всего стоят в зонах пересечения интересов, миграций, этнокультур, религий. К таким зонам и относится пограничье, характеризующееся более высокой мо-

¹ Хлыщева Елена Владиславовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: culture_mag@mail.ru

Статья выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 2012-1.1-12-000-3003-056 «Культурная память и культурное наследие фронта».

бильностью по сравнению с глубинной территорией, перемещением больших групп людей, новыми формами культурных и социальных контактов. Зоны пересечения культур — наиболее уязвимые точки стабильности поликультурного общества, соседствующего с другими территориями и испытывающего миграционный нажим.

К числу пограничных и транскультурных образований может быть отнесена и область Нижнего Поволжья. Именно здесь, на пограничье Востока и Запада, особенно заметен синтез культур и религиозных конфессий. Нижневолжское пограничье рассматривается как разновидность геокультурного пространства со специфичным, граничным типом культуругенеза, определившим формирование взаимопроникающих геополей: этнокультурного, природно-хозяйственного, конфессионального, лингвистического, политического, психологического и др. В результате этого взаимодействия оформляются и функционируют рубежные (граничные) культурные ландшафты, происходит объективация и репрезентация культурно-ландшафтных структур, которые в условиях границы отличаются многослойностью и динамичностью. Пограничье — не только определяющий фактор формирования, но и постоянная семиотическая зона, вне рамок которой они не могут существовать.

Отличительной чертой Астраханского региона изначально была многокультурность. Уже к XIII в., когда на правом берегу Волги появляется поселение Аштархан, считающееся крупным центром торговли, здесь пересекаются дороги европейских и восточных купцов. Царская политика была направлена на ассимиляцию населения окраин с русской культурой. Все, кто приходил в Астрахань и бил челом, чтобы государь пожаловал «житии по старому у города Астрахани и дань давати» [32], были приведены в русское подданство. Царь стремился привлечь как можно больше кочевых народов в состав русского государства: «Будут прибывать в Астрахань мурзы из Гор, из Калмык, из Нагай, из Казыева улуса и Черкесские мурзы, и из Кабарды, и иных владений, воеводе обнадеживать их государевой милостью и велеть давать им жалованье, держать к ним всякое береженье, чтобы они были под высокой государевой рукою навеки неотступно» [20, с. 154].

С целью укрепления рубежей первый воевода И. Черемисинов «пересылает татар с правого берега на другую сторону» [23, с. 28] и расселяет их по буграм и островам. Для главного же поселения избирает особый бугор (Шабан-бугор, прозванный русскими стрельцами Заячьим), со всех сторон имевшим естественную защиту. Основанный на этом бугре город в продолжение трех времен года (весны, лета и осени) был неприступным для татар, не имевшим тогда достаточного количества лодок. Именно здесь и появляется в 1557 г. новый город, названный на русский лад — Астрахань.

В новую Астрахань переселялись жители старого Аштархана, из Ногайской Орды и соседних стран Каспийского побережья. Пришли многие гости

из Шемахи², Дербента, Тюмени, Юргенча с товарами. Прибыли послы черкасс кабардинских, пятигорских, иверских земель, держащих путь через Астрахань в Москву. Все они били челом, чтобы «государь их пожаловал, велел бытии в своем имени и в холопстве у себя учинил и приказал бы астраханским воеводам беречи их от всех сторон» [33]. Покорность Москве кавказских владетелей была не бескорыстна, так как в ее основе лежала потребность «найти защиту от набегов крымцев, турок, как и помощь при взаимных распрях» [11, с. 125], но и это значительно расширяло границу русского господства на юго-востоке.

Просили о милости и заявляли о своей покорности гребенские казаки, «первые колонизаторы» Кавказа, ранее покинувшие Русь и поселившиеся у Чечни. Казаки были пожалованы вольною рекою Тереком-Гориничем, где им велено было «служить службу государскую и охранять вотчину Кабардинскую». Население Астрахани пополнялось беглецами с Севера Руси и особенно ногаями с востока. Этому во многом способствовал голод и массовой падеж скота в неурожайные годы. Доведенные до отчаяния ордынцы охотно продавали своих детей за кусок хлеба, но из-за недостатка последнего продовольствие выделялось для них воеводой не всегда. К голоду добавились и внутренние распри: «ногаи изводятся, людей у них мало добрых, много с голоду людей мрет, а друг другу не верят меж себя и родные братья. Земля их пропала, друг друга грабят. Многие хотят идти жить в Астрахань, того для что неустройство великое» [15, с. 44].

Отдаленность Астрахани от Москвы, свободные земельные и речные просторы, слухи о вольной жизни влекли бежавших от нужды и крепостной неволи крестьян центральных губерний России. Правительство, заинтересованное в заселении и хозяйственном освоении края, не преследовало беглых крестьян, вопреки своей политике делая исключение для Нижнего Поволжья. Уже в XVII в. предписывалось «с Астрахани и Саратова в верховые города посадских людей, бежавших на низовья Волги самовольно, не возвращать» [28]. И в XVIII в. вновь подтверждалось право Астраханской губернской канцелярии приписывать беглых крестьян к казенным землям и рыбным промыслам.

Географическое расположение и природные особенности Астраханского края определили своеобразие процесса заселения Нижнего Поволжья. Сюда стекался торговый люд из Ногайской Орды, Дербента, Шемахи, Хивы. Торговые льготы притягивали иноземцев на обширный русский рынок. Немало сбегало в Астраханские земли и иноземцев: немцев, шведов, поляков, которые, будучи захвачены в плен ногаями или казаками, искали удобного случая спастись от рабства под защиту русской власти [29]. Промышленные люди шли сюда на рыбный лов в устьях Волги и на разработку соли. Многих привлекала в Астрахани шумная торговая жизнь города и свобода от обычного в то время произвола приказных в коренной Руси. Пестрота населения и определен-

² Шемаха – одно из названий Персии.

ная вольность нравов, представляющая «своеобразный сплав нравов Востока и России» [16, с. 139], заставляли воевод быть начеку: надеяться на скорую помощь Москвы в случае восстания иноверцев, здесь не приходилось.

Субэтнические группы разных народов, заселяя регион Нижнего Поволжья, осваивали, как правило, собственную хозяйственную нишу таким образом, что хозяйственно-культурные типы этих этнических групп как бы дополняли друг друга, а не вступали в противоречие. Русское население сосредоточивалось исключительно в городах и их ближайших окрестностях. Степные пространства края были населены кочевыми племенами ногайцев, калмыков, урегулирование отношений между которыми входило в обязанности астраханского воеводы. Каждый народ жил довольно замкнуто, в своей слободе, пересекаясь с другими в основном по хозяйственным вопросам.

Процесс ассимиляции народов Астраханского региона шел тяжело. Особенно сильны были противоречия кочевых племен. В XVII-XVIII вв. в астраханской степи шла незатухающая борьба за земли, о чем наглядно свидетельствуют названия документов и актов, хранящихся в Астраханском государственном архиве: «Дело о незаконном кочевье тогмутовских татар по калмыцким землям» [3], «Дело о самовольном переселении хлебопашцев на калмыцкую землю» [4], «Челобитные частных лиц по разным вопросам» [5], «Переписка с астраханской комиссией калмыцких дел о выселении ногайцев с калмыцких земель» [6], «Переписка с кавказским начальником МВД о жизни кочующих и оседлых калмыков, киргизов, туркменских семей в Астраханской губернии» [7], «Дело об отводе земли кундровским татарам» [8], «Дело о переходе с места на место цыган» [9], «Дело о споре за земли между киргизами и кундровскими татарами» [10] и т. д.

Много проблем доставляли калмыки, появившиеся в Поволжье в начале XVI в., нарушив уже сложившееся этническое равновесие. С самого начала у них устанавливаются довольно сложные отношения с местной русской администрацией. Не ладили калмыки и с татарским населением [12; 24; 13], стремясь изгнать тех с обжитых мест. Татары в долгу не оставались [14], хотя и были вынуждены покинуть многие свои прежние поселения и расположиться поближе к русским гарнизонам.

Мероприятия по переводу к оседлому образу жизни не вызывали у кочевников, особенно калмыков, никакого сочувствия. Переселяться из степи они не хотели, велико было их «нежелание братья за правильное хозяйство» [18, с. 38] на месте нового водворения, поэтому меры правительства по переселению проходили с большим трудом. Против переселения выступали калмыцкие ханы, нойоны и духовенство. Многие калмыки убегали обратно в степь, и астраханским губернаторам тогда вменялось в обязанность «увещевать беглых и возвращать их обратно» [1, с. 2]. Астраханский губернатор Н. А. Бекетов даже ходатайствовал перед правительством о предоставлении калмыкам пра-

ва жить, где пожелают, на что Екатерина II ответила, что «дозволить можно, но публиковать не должно» [19, с. 39].

Русскому правительству постоянно приходилось вмешиваться в конфликты калмыцких князей и мирить их. Были учреждены особые должности дворян в пограничных городах и при нойонах для разбора жалоб и наблюдения за действиями самих нойонов.

К середине XVIII в. для изоляции крещеных калмыков от их сородичей на реке Волге, в урочище Кунья Воложка, была построена крепость, названная Ставрополем. В 1744 г. оренбургский губернатор И. И. Неплюев представил правила для управления Ставропольской крепостью и поселенными в ней калмыками. Он предложил назначать калмыков для отбывания служебных обязанностей вместе с казаками на Оренбургской линии; в школе обучать калмыков только русскому языку; перевести молитвы на калмыцкий язык; учредить собственный калмыцкий суд под председательством коменданта крепости. Этими мерами было положено начало слиянию калмыков с оренбургскими казаками и формирование из них в 1756 г. особого Ставропольского калмыцкого войска. Крещеные калмыки имели право по желанию переселяться в Оренбург, но таких желающих оказалось немного. Впоследствии крепость Ставрополь с образовавшимися вокруг нее поселками была переименована в уездный город, а земли, отведенные калмыкам, переданы казенному ведомству Самарской губернии.

Киргиз-кайсаки³ появились в Нижнем Поволжье по договоренности с русским правительством в начале XVIII в. под предводительством хана Младшего жуза Букея, по имени которого Орда получила название Букеевской, а по своему территориальному, географическому положению — Внутренняя. Население Букеевской Орды росло быстрыми темпами, в том числе и в результате миграции из других казахских районов.

При Екатерине II для заселения окраин России (в том числе и астраханских земель) приглашались иностранцы, «кроме жидов» [27, с. 53], для которых были оговорены особые условия проживания в строго обозначенных местах [25]. Зато множество льгот по указу Екатерины получали немцы: свобода вероисповедания, свободный выбор места поселения, самоуправление, освобождение от податей, налогов и всякого рода повинностей [30]. Поэтому на местах своего нового проживания многие немцы сохранили немецкий язык, веру (как правило, лютеранскую) и элементы национального менталитета.

Задача местных властей заключалась не столько в военном противостоянии иноверцам, сколько в дипломатической деятельности — мирном урегулировании конфликтных ситуаций, распространении православия среди ко-

³ В XVIII – XIX вв. русские называли киргизами самые разные тюркские народы: и собственно киргизов, и киргизов енисейских (хакаسمов, телеутов, щорцев), и казахов.

чевников, налаживании торговых отношений со Степью. Создавая определенные условия для мирного сосуществования народов региона, власти, однако, не поощряли тесных культурных контактов. Так, если и разрешались межнациональные браки, то это касалось только меньшинств (армян, грузин, татар, калмыков), но «браки с православными были редкостью и допускались только с соблюдением многих формальностей» [27, с. 45].

Фундамент согласной и упорядоченной жизни практически сложился к концу XVIII в. Этот период отмечен ростом в крае числа русских поселений. Одновременно происходила ассимиляция кочевниками отдельных калмыцких, киргизских, казахских, туркменских родов, попадавших в плен во время вооруженных конфликтов. Вынужденные трудиться на «захватчиков», пленники впитывали отдельные элементы их культуры. Вместе с казахами кочевали крымско-кубанские ногайцы, которые вошли в орду буковцев, составив здесь новый «ру» (род) «нугай-казак» [17, с. 47] с четырьмя подразделениями (уйсен, костанбалы, казанколак и кояс). Все они переселились в Нижневолжье вместе с Букеем. А немногим позже, в 1799-1801 гг. и затем в 1842-1844 гг., в буковской степи скрывались солдаты-дезертиры из числа татар, уроженцев селений на стыке нынешних Татарстана, Башкортостана и Оренбуржья. По характерным высоким черным шапкам у мужчин они получили название «калпак» [31, с. 68] («кара-калпак»). Они хорошо знали казахский язык, но сохраняли и татарский диалект. Зачастую их потомки ощущают себя казахами рода «калпак». Свободно владели русским языком представители купечества, особенно индийцы.

Характерная особенность астраханского городского населения — его подвижность. С окончанием навигации большое число промыслов или приостанавливало свою работу, или сокращало, а с открытием водного пути работа возобновлялась. Такая деятельность требовала массы рабочих рук. Для найма в Астрахань стекались рабочие из самых разных уголков России и степных просторов, а также из Персии. Многие из приезжающих на заработки жили в городе нелегально, без письменного вида (разрешения на жительство). Поэтому городская перепись обычно проводилась два раза в год по причине изменения населения в связи с миграцией [2].

Население края, постоянное и временное, очень различалось. Каждый народ имел свое мировоззрение, навыки, склонности. Чтобы предотвратить конфликты, которые неизбежны при столь пестром населении, особое внимание обращалось на нравственность населения. Так, в отчете за 1839 г. сказано, что чрезвычайно затруднительно вывести общее заключение о состоянии народной нравственности в Астраханской губернии, в которой обитают множество разноплеменных народов. Некоторые из них имеют пагубную склонность к употреблению горячительных напитков (в основном русские), а «азиаты склонны к неправильным взиманиям исков» [13].

Единая территория, пересечение в хозяйственной деятельности привели к появлению общих ценностей, что сплотило народы, населяющие регион. Здесь как в огромном плавильном тигле, стала выплавляться новая народность, когда «земля одержала верх над природными и расовыми качествами их и все они стали точно они одного рода, оттого, что поселились на одной земле, вступали в брак с друг с другом и оставались жить в этой земле» [22, с. 14]. Постепенно складывалась поликультурная модель, которая представляла собой исторически, «веками сложившуюся многокультурность, с разделением зон экономического влияния, устоявшейся системой культурных связей, основанных на принципах толерантного отношения к «чужому» как к «другому» и взаимопроникновении культур от семантического до институционального уровня» [26, с. 17].

Библиографический список

1. Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести. Астрахань: б. и. 1888.
2. Ведомости о числе иностранных подданных, проживающих в г. Астрахани. ГААО. ф.433, оп.1, д.673.
3. ГААО, ф.495, оп.1, л.1195.
4. ГААО, ф.495, оп.1, л. 1088.
5. ГААО, ф.394, оп.1, том 2, л.4492.
6. ГААО, ф.2, оп.61, л. 248.
7. ГААО, ф.2, оп.290, л. 2165.
8. ГААО, ф.488, оп.1, л. 1345.
9. ГААО, ф.2, оп.1, л.1452.
10. ГААО, ф.2, оп.1, л.33.
11. *Гербер И. Г.* Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях, сочиненное полковником артиллерии Иваном Густавом Гербером/Сочинения и переводы к пользе и увеселению. СПб.: Изд-во при Импер. Акад. Наук, 1760.
12. Дело об ограблении калмыками каравана с товаром купеческих юртовских татар. ГААО, ф.394, оп.2, л.1733.
13. Дело о том, что воевода не разрешил казакам напасть на калмыцкие улусы за то, что те побили юртовских татар, московских стрельцов и астраханских жителей». ГААО, ф.2, оп.1, л.13.
14. Дело о нанесении побоев татарами калмыку Чулчуму и о краже у него лошадей». ГААО, ф.2, оп.1, л.1638.
15. *Дженкинсон А.* Путешествие от города Москвы в России до города Бухары в Бактрии/в кн. Исторические путешествия: извлечение из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII вв./сост. В. Алексеев. Сталинград: Краев. кн. изд-во, 1936.

16. *Карабущенко П. Л.* Астраханское ханство: воеводская власть и местное сообщество XVI-XVII веков. Астрахань: б. и. 2008.
17. *Кидирниязов Д. С.* Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XVI-XVIII вв. Махачкала: б. и. 1999.
18. Ключаревская летопись (история о начале и возобновлении Астрахани). Астрахань: Типография Губернского правления, 1887.
19. Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии, Астрахань: Изд-во Астрах. комитета православного миссионерского общества. 1910.
20. Наказ Астраханским воеводам (1677 г.). Астрахань: б. и. 1947.
21. Отчет Астраханской Градской полиции/ГААО, ф.2, оп.1, д.325.
22. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: б. и. 1889.
23. Очерки Астраханского края. Золотоордынская Астрахань. Астрахань: б. и. 1925.
24. Переписка с Комиссией калмыцких дел МВД о грабежах и убийствах, совершаемых малодербетовским владельцем Талдутовым с группой вооруженных калмыков». ГААО, ф.2, оп.1, л.265.
25. Положение о евреях. ГААО. Ф.2, оп.1, д.2108.
26. *Романова А. П.* Толерантное отношение к «Другому» в молодежной среде полиэтничного региона // Каспийский регион: политика, экономика, культура. №4 (25), 2010.
27. *Саввинский И. И.* Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных архипастырей в 18 веке. Астрахань: Типография В. Л. Егорова, против Окружного Суда. 1900.
28. Указ о переселенцах из других мест. ГААО. Ф.999, оп.1, д.47
29. Указ камер-коллегии о разрешении шведским пленным жить в городах. ГААО, ф.394, оп.4, л.43.
30. Указы императрицы Екатерины II (1775). ГААО.Ф.1, оп.1, д.948
31. *Урастаева Г. Д.* Астраханские казахи: история и современность. Астрахань: Изд-во ГУП ИПК «Волга», 2000.
32. Челобитные частных лиц по разным вопросам. ГААО, Ф.1, оп.6, т.2, д.2150, л. 37.
33. Челобитные частных лиц по разным вопросам. ГААО, Ф.1, оп.6, т.2, д.2150, л.231.